

Л.А. ЛЕБЕДИНЦЕВА, П.П. ДЕРЮГИН, ЛЮ ЦЗЮАНЬ

ПРОФЕССОР С.М. ШИРОКОГОРОВ: РУССКИЕ ИСТОКИ КИТАЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

ЛЕБЕДИНЦЕВА Любовь Александровна – доктор социологических наук, профессор; ассоциированный научный сотрудник (lbebedintseva879@gmail.ru); ДЕРЮГИН Павел Петрович – доктор социологических наук, профессор; ассоциированный научный сотрудник (ppd333@rambler). Оба – факультет социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия; ЛЮ Цзюань – доктор философских наук, профессор Цзянсуского океанологического университета, Ляньюньгань, КНР (liujuan1971@yandex.ru).

Аннотация. Статья посвящена малоизвестному российской социологической аудитории ученому Сергею Михайловичу Широкогорову (1887–1939). Взгляды его содержат характерное понимание природы социального, – на основе этнического. Авторами статьи показаны приоритеты исследований социальных явлений С.М. Широкогоровым: (1) реализация принципов целостности и системности, направленность исследования на гармоничное изучение социальных явлений в единстве с биологическими, культурными и другими переменными; (2) приоритет и синтезирующее начало биологического в понимании социального. Творческая деятельность С.М. Широкогорова может быть разделена на российский и китайский периоды. В рамках первого периода происходит становление ученого, выбор приоритетов научных исследований как в определении объектов исследования, так и методологии, методов и принципов; публикация первых результатов исследований. В китайский период публикационная и преподавательская активность С.М. Широкогорова достигает своего пика. Он знакомится с Фэй Сяотунем, ставшим его учеником, впоследствии оказавшим большое влияние на развитие китайской социологии. Разработанные ученым подходы нашли свое развитие в теоретических и прикладных исследованиях китайской школы социологических исследований индигенизации. Базовые идеи этих исследований развивали взгляды С.М. Широкогорова о том, что этнические единицы возникают как результат множества адаптационных процессов во взаимодействии с факторами окружающей внешней среды.

Ключевые слова: Сергей М. Широкогоров • этнолого-социологическая теория • Фэй Сяотун • индигенизация

DOI: 10.31857/S013216250028310-4

В отечественных научных кругах С.М. Широкогоров известен как первоклассный этнограф и антрополог. Самым значимым результатом его научного творчества стало авторство понятия «этнос» [Йохансен, 2002: 139]. Наряду с этим концептуальные взгляды С.М. Широкогорова содержат характерную позицию в понимании природы социального, выступающего на основе этнического. Такая позиция кажется закономерной, поскольку, по признанию самого Сергея Михайловича, его путь в науку начался с изучения социологии, экономики и истории во время учебы во Франции: студент Широкогоров разделял научные идеи М. Мосса и Э. Дюркгейма [Shirokogoroff, 1935]. Это не могло не сказаться на понимании социологии как системной интегративной науки, объединяющей знания многих научных дисциплин. В центре этой системы – живой реальный человек, на основе физиологических признаков которого складываются этнические группы, а они в свою очередь интегрируются в определенную социальность.

Российский период. Сергей Михайлович Широкогоров (кит. 史禄國; Shi Luguó – Ши Луго) родился 19 июня (1 июля) 1887 г. После получения образования в университетах Франции С.М. Широкогоров прожил в России с 1910 по 1922 г. Результаты работы этого периода позволяют охарактеризовать его как блестящего молодого ученого. Первым рабочим местом Сергея Михайловича стал Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера), где он занимал должность заведующего тунгусским подотделом музея и одновременно преподавателем в Санкт-Петербургском университете. Революционные события 1917 г. существенно повлияли на его судьбу – он переезжает во Владивосток. Исследователи творчества и профессиональной биографии С.М. Широкогорова по-разному объясняют причины отъезда в Китай.

Результаты его деятельности за этот период ошеломляют. В фондах Музея антропологии и этнографии хранятся более четырех тысяч предметов, связанных с описанием им быта малых народов, шаманским культом, а также археологическая коллекция. Отечественный этап творчества ученого ознаменован такими важными научными трудами, как «Отчет о командировках к тунгусам и ороchonам Забайкальской области в 1912 и 1913 гг.» (1914); «Задачи антропологии в Сибири» (1915); «О методах разработки антропологических материалов» (1919); «Опыт исследования основ шаманства у тунгусов» (1920); «Место этнографии среди наук и классификация этносов» (1922) и др. В опубликованных в эти годы трудах С.М. Широкогорова был сформулирован концептуальный взгляд на общество как на взаимосвязи биологического и социального, которые были исследованы и подтверждены его многочисленными эмпирическими данными.

С 1922 г. начинается китайский период его жизни и творчества. Обстоятельства его отъезда в Китай описываются по-разному. Одни авторы указывают, что «во избежание репрессий, грозивших ему со стороны большевистских властей, он вынужден был оставить Владивосток и жить на положении эмигранта в Китае» [Кочешков, 1999: 151]. По другой версии, Широкогоров был уволен из университета 26 октября 1922 г. в результате инцидента в движении, представляющем группу антибольшевистских организаций на Дальнем Востоке. Опасаясь политических преследований, которым они могли подвергнуться, он и его жена уехали из Владивостока в Шанхай [Anderson et al., 2019]. Некоторые исследователи биографии и профессионального пути пишут о том, что в сентябре 1922 г. Дальневосточный университет командировал Широкогорова в Шанхай для издания его трудов, в том числе «Этноса...» и «Социальной организации маньчжур», где его и застало установление советской власти в Приморье [Кузнецов, 2017; 2001; Ермакова, 2001]. Есть и такая версия: Широкогоров, не вышедший на работу после установления советской власти во Владивостоке, наряду с другими, был уволен из университета. Узнав об этом, он пишет заявление ректору: «15 сего декабря я получил известие от Вас от 29 ноября за № 640 о том, что я отчислен от занимаемой мною должности от 26 октября сего года, как добровольно покинувший университет. С этим решением Совета я не могу согласиться... 15 декабря 1922 года» (цит. по: [Кузнецов, 2017: 112]). Ответа не последовало; начался эмигрантский период его жизни. Как бы то ни было, революционные события 1917 г. существенно повлияли на его судьбу – с 1922 г. он начинает работать в Китае.

Базовые взгляды ученого. С.М. Широкогоров начинал путь в профессии ученого с работ в области антропологии. Он видит отправной точкой исследования любых социальных явлений самого человека, человеческое тело, при этом физическая антропология ни в коем случае не ограничивается соматологией (антропометрией). В своей теории этноса он подчеркивает, что в сложившихся этнических единицах (этносах) изменяется не только сам человек: «происходит процесс аккультурации, в котором передаются и изменяются генетические факторы и в котором, в самом широком смысле этого слова, происходит процесс биологической адаптации» [Широкогоров, 2017: 198]. Непрерывное биологическое рефлексирование становится условием успешной социальной адаптации человека, одновременно порождая те или иные социальные формы. На базе

биологического складывается менталитет, на основе которого далее формируется особое социальное пространство – взаимосвязи между людьми.

В качестве доказательства Широкогоров рассматривает феномен шаманства тунгусов, которое понимается как посредник между биологическим и социально-общественным, социально-культурным. В то время как многие другие исследователи оценивали шаманизм только как суеверие, Широкогоров занимает позитивистскую позицию, он показывает шаманизм как физический и психокультурный феномен, который первоначально складывается на уровне ментальности, но впоследствии эффект шаманства поддерживает социальную группу и способствует объективным обстоятельствам не только биологических изменений, но и социальности. В итоге С.М. Широкогоров выходит на понимание единства эволюции человека, природы, общества и всей Вселенной. Эволюция сопровождается развитием социальных форм организации социума.

К концу российского периода жизни С.М. Широкогорова его социологическая концепция включала несколько основных позиций. Общество начинает формироваться на уровне *семейной организации*. Семейная организация составляет единицу родовой организации, которая в свою очередь возникает как необходимость биологического и экономического воспроизводства. Сфера полномочий семьи естественным образом далее ограничена родовыми отношениями, поскольку семья – это единица рода. *Родовая организация* – особая форма социальности: «Род представляет собой группу людей, объединенных сознанием общности своего происхождения от предка или предков мужского пола; группа эта также объединяется признанием своего общего кровного родства и общностью своего наименования, а также признанием ряда запретов, главным из которых является запрещение браков между членами своего рода – экзогамия» [Широкогоров, 2017: 201]. Исходя из этого определения, видно, что у всякого рода есть собственная история (короткая или длинная). В родовой организации существует строго установленная система обычаев, прав, практик и обязанностей – социальных связей. Далее формируется *социальная организация*. Это комплекс этнографических элементов, который регулируется общими интересами «постоянной совокупности индивидов», на основании чего возникают обычаи и более широкая социальная организация [Широкогоров, 2017: 30–31].

Наиболее важную роль в функциях тунгусской социальной организации играют психические и наследственные характеристики. Экономическая система является результатом комплексов социальной организации первичной среды и подразумевает формирование социальных институтов. Главное в понимании и анализе социальной организации, с точки зрения ученого, – глубокая погруженность в материальную культуру, религиозную, психическую, умственную и социально-культурную среду этноса.

Система родства предполагает социально-ролевую структуру и составляет основу родовой организации и, как пишет С.М. Широкогоров, «точнейшим образом определяет место и права каждого члена рода» [Широкогоров, 2017: 286]. Разделение труда в семье и роде основано на принципе наилучшего использования человеческих возможностей, что означает довольно строгое закрепление статуса и роли [там же: 420]. Система вариации семьи зависит от экономических причин, потому что семья – это прежде всего социально-экономическая единица. С.М. Широкогоров всегда выводит взаимосвязь социальной организации и экономической системы. Без первой не может существовать вторая, и наоборот [там же: 40]. На основе взаимосвязей социальной и экономической структуры этноса складываются социально-ролевые позиции. Чаще всего ролевые функции показаны на примере семьи. Семья всегда состояла из двух активных членов – охотника-мужчины и работницы-женщины, причем мужчины играли в ней активную, главную роль. Ограничение женщин на занятия другими видами труда имело место вследствие ее относительной физической слабости [Фадеева, 2001]. Всегда присутствовали внешние знаки уважения к женщинам. В свою очередь вопросы защиты рода, определение его внутренних и внешних отношений всегда решались мужчинами. *Социальным механизмом распространения межэтнических отношений и культуры выступает подражание*. В письме В.М. Алексеева от 17 июля 1931 г.

С.М. Широкогоров написал: «Культурные явления в сильной степени распространяются путем имитации и могут быть, так сказать, “заразительны”, поражая совершенно “здоровые” этносы» (цит. по: [Решетов, 2001: 24]). С другой стороны, распространение этнической культуры во многом обусловлено непрестанной борьбой.

Широкогоров обращает внимание на хозяйственные занятия и множественность форм собственности примитивных сообществ: племенной, родовой, семейной и индивидуальной. У исследуемых сообществ вполне развито представление о наследственном владении определенными пространствами. Такое владение условно может быть названо «племенной собственностью», однако формально такой единицы, как «племя», не существует. Поскольку, пишет Широкогоров, «объединения тунгусов подвержены большим изменениям, а иногда они не стабилизированы вовсе» [Широкогоров, 2017: 474], постольку с территорией, находящейся в постоянном пользовании у родов (или этнических единиц), могут быть осуществлены следующие действия: отстаивание права на проживание; уступка своей территории какому-нибудь другому роду для установления хороших отношений; пользование территорией обща: будучи экзогамной единицей, род не может функционировать в одиночку.

Семейная собственность, как правило, состоит из владения домашним скотом, а также складов, иногда запасов пищи, юрт и предметов общего пользования. Присутствует и личная (индивидуальная) собственность: у мужчин одежда, предметы личного пользования (ножи, мешки, ружья, иногда лошади и олени), у женщин одежда, юрты, все хозяйственные предметы и утварь. По выражению С.М. Широкогорова, «тунгусское обычное право» и «принципы справедливости» выступают условиями распределения участков и охотничьих угодий между членами группы: «если охотнику не удастся найти дичь или пушных зверей, он присоединяется к другим, которые распределяют между собой определенную местность или образуют охотничью артель» [там же: 482].

Обобщая характер научного творчества С.М. Широкогорова в российский период, следует особо подчеркнуть стремление ученого *реализовывать два приоритета исследований социальных явлений*. (1) Стремление к целостности и системности, направленность исследования на гармоничное изучение социальных явлений в единстве с биологическими, культурными и другими. (2) Очевиден приоритет и синтезирующее начало биологического в понимании социального. Реализация принципов единства и целостности в совокупности с приоритетным пониманием роли биологического начала в рассмотрении исследуемых элементов социальной жизни тунгусов позволяли ему выявить и описать подчас парадоксальные характеристики связей биологического и социального и сделать неожиданные для современников выводы о природе этнического. Показанные направления исследований С.М. Широкогоров смог успешно реализовать, работая в Китае.

Эволюция взглядов в китайский период. Свидетельств о пребывании Широкогорова в Китае сохранилось не так много. Преимущественно они отражены в личных переписках с русскими учеными [Арзютов, Андерсон, 2021]. Сведения об обстоятельствах жизни Широкогорова в Пекине содержатся также в воспоминаниях китайского социолога профессора Фэй Сяотуна [费孝通, 1994].

С.М. Широкогоров в Китае много преподавал: выступал с лекциями в Королевском азиатском обществе (Лондон), в университетах Шанхая и Амоя (сегодня – Сямьский университет), в Кантоне – до 1930 г., в Университете Сунь Ятсена, в историко-филологическом институте при Центральной исследовательской академии, далее в пекинских университетах Фуйен и Циньхуа. Самое значимое педагогическое влияние Широкогоров оказал на становление своего китайского ученика Фэй Сяотуна, который впоследствии стал директором института социологии Академии общественных наук Китая и профессором социологии Пекинского университета.

Китайский исследователь биографии Фэй Сяотуна, Мэй Фанцюань, образно пишет о роли Широкогорова и его влиянии на ученого как о проблеске света в темных временах, сравнивает его «с тем, как эксперт по лошадям распознал бы быстроногого скакуна»

[梅方权, 2001: 73]. В широких научных кругах социологи Китая признают, что «одним из наиболее значимых наследий Широкогорова является его вклад в профессиональное становление Фэй Сяотуна», благодаря которому впоследствии стало возможным развитие многих областей социологического знания в Китае [梅方权, 2001: 74]. Сам Фэй Сяотун писал, что Широкогоров предложил ему три этапа обучения на шесть лет. На первом этапе изучалась физическая антропология, на втором – лингвистика, на третьем – культурная антропология. План повторял собственный опыт Широкогорова и его понимания исследования природы социального.

Совместная работа двух талантливых людей оказалась весьма плодотворной. По воспоминаниям Фэй Сяотуна, Широкогоров не мог проводить социальные опросы из-за незнания китайского языка, тем не менее он активно использовал свою базовую подготовку для проведения антропометрических измерений в различных локациях. За два года – с 1924 по 1925 г. – было опубликовано три научных отчета об исследовании физической конституции китайцев, результаты которых впоследствии использовались для изучения истории и миграции китайского населения [费孝通, 1994].

По словам Фэй Сяотуна, взаимосвязь биологического и социального Широкогоров рассматривал весьма рационально и практически с арифметической точностью. Самый блестящий анализ его тезиса заключается в том, что единицу этноса можно выразить в арифметической формуле [费孝通, 1994]. Формула представляет собой сочетание трех переменных единиц: земли (地), людей (人) и культуры (文). Земля состоит из пространства и ресурсов, люди – из количества и качества участников, а культура – это рукотворная среда, включающая социальную структуру и культурные накопления. Взаимосвязь между тремя переменными характеризуется усилением и ослаблением центростремительных и центробежных сил. Достижение или потеря энергетического баланса между соприкасающимися единицами приводит к изменениям в подъемах и спадах. Этнос сам по себе постоянно изменяется, а антропология позволяет изучать процесс изменений в этносе.

Особое место в этой подготовке уделялось эмпирическим исследованиям. Широкогоров убежденно считал, что теоретические и эмпирические исследования взаимодополняют друг друга и только через их комбинацию можно сделать точные выводы. Он предоставил Фэй Сяотуну полный набор антропометрических инструментов для его первой полевой работы (физическое обследование национальности яо в горах Даяо в Гуанси). Знания, полученные Фэй Сяотуном в ходе обучения заявленным дисциплинам, можно проследить в оставленных им трудах [费孝通, 1994].

В качестве научного руководителя Широкогоров, помимо проведения полевых работ, активно развивал у Фэй Сяотуна навык самостоятельного решения проблем. Он не давал ему четких указаний, но скорее ставил перед ним цели и создавал условия для исследований. В ходе своих курсов по физической антропологии Широкогоров не читал своему ученику систематических лекций, но постепенно развивал его исследовательские навыки, позволяя анализировать собственные работы и другие материалы. Он предоставил Фэй Сяотуну доступ к лаборатории, чтобы тот мог самостоятельно работать. Несмотря на редкие встречи, Широкогоров регулярно проверял работу Фэй Сяотуна, оставлял комментарии, указывал на ошибки и просил переработать эксперименты. Такой подход воспитал в Фэй Сяотуне скрупулезность и терпение, что сделало его более требовательным в своих исследованиях.

После 1935 г. пути Широкогорова и Фэй Сяотуна более не пересекались. Несмотря на то что Фэй Сяотун обучался под руководством русского профессора всего два года, по его собственному признанию, это время оказало самое глубокое влияние на все его последующие исследования городского и сельского населения.

Реализация идей С.М. Широкогорова в творчестве Фэй Сяотуна. В частности, полученные им знания нашли свое развитие в теоретических и прикладных работах Китайской школы социологических исследований (кит. Шцзюй яньцзю сюэпай). Эта школа сложилась в 1930-х гг., ее основателем был У Вэньцзао, с которым активно сотрудничал Фэй Сяотун.

Основными объектами исследований школы стали локализованные большие и малые социальные группы, которые характеризовались единым этническим началом. По сути, базовые идеи социолокальных исследований развивали идеи Широкогорова о том, что этнические единицы возникают как результат множества адаптационных процессов во взаимодействии с многочисленными факторами окружающей внешней среды, которая превращается в этнический комплекс, в результате формируется некоторое социальное объединение.

Этнолого-социологическая теория базируется на понятии этнических единиц, которые становятся источником социального [Широкогоров, 2017: 30]. Этническая единица – это единица, в которой происходят процессы изменения этнографических элементов и их передача последующим поколениям как биологических изменений [Shirokogoroff, 1929]. Такие единицы всегда находятся в процессе медленных или быстрых изменений. Рассматривая интенсивность изменений во времени, он отмечает два главных условия в характеристике этнической единицы. Во-первых, *общность реакций этнической единицы* как психической приспособляемости к разным формам жизнедеятельности, они являются неизбежно наследственными. В таком случае, если этническая единица оказывается неспособной изменить свои привычки, она вступает в конфликт с изменениями, которые находятся вне ее контроля. Во-вторых, *межэтническое давление* – действительная сила этнической единицы, выраженная в плотности населения и в количественном развитии культуры и территории, усиливается под влиянием комбинированных импульсов к переменам, являющимся следствием межэтнического давления [Широкогоров, 2017: 23].

На основе интеграции этнических единиц складывается этнографический комплекс. На основе него возникают особые социальные взаимосвязи и складывается история становления ряда социальных институтов. Широкогоров считает, что природа социальных явлений является особыми формами биологической приспособляемости этнических единиц. Социальные явления как частный случай этнографических явлений являются восприимчивыми проявлениями функций этнографического комплекса [там же: 32].

Подобные идеи лежат в основании анализа социальности последователями Китайской школы социолокальных исследований. Стратегии социолокального подхода к изучению социальных объединений предполагали три основы, из которых складывается некоторое сообщество. Во-первых, это община. Во-вторых, наличие территории. В-третьих, особые быт, деятельность и специфическая культура. Обобщенная культура социолокации объединяет ряд элементов в единую структуру, включающую символическую и материальную культуру, духовную культуру и социальную организацию. Подчас взаимодействие этих элементов конфликтно, подчас между ними наступают периоды гармонии и единства. Так развивается социальная структура.

Анализируя особенности научных принципов Китайской школы социолокальных исследований, авторы не просто отмечают их сходство с принципами научного анализа в исследованиях этносов Широкогорова. В некоторых публикациях особо подчеркивается, что школа исходила из признания необходимости изучать этнические общности и межэтнические отношения, в чем проявилось воздействие на нее идей Широкогорова, это касается и эмпирической части исследований школы, работы которой посвящались изучению малых этнических групп – культуры и социальной организации малых народов Китая (Ван Тунхуэй – яо, Линь Яохуа – ицзу).

По многочисленным признаниям, наибольшим успехом этой школы стала работа Фэй Сяотуна «Сельская жизнь в Китае» (д. Кайсяньгун, провинция Цзянсу). Исследование получило высокую оценку Б. Малиновского (Лондон, 1939 г.), посчитавшего, что работу следует воспринимать как важную веху в истории полевых исследований и что прочитал он ее «с истинным восхищением, несвободным подчас от чувства зависти»¹.

Вслед за своим учителем Фэй Сяотун не разделял народы на «дикие» и «цивилизованные» (вэнье чжибе 文野之别), это ознаменовало переход к рассмотрению этих социальных

¹ URL: <http://china-history.ru/books/item/f00/s00/z0000002/st001.shtml>. (дата обращения: 12.07.2023).

групп как уникальных социальных единиц сообщества. С одной стороны, важно изучать малые социальные образования как организмы со сложной структурой и тысячелетней историей развития, с другой – такой подход позволял исследовать общества, которые не имели «прямого отношения к индустриальной цивилизации» [Хаснулина, Чжоу Сяохун, 2020: 764]. Для изучения китайского общества настоящее положение оказалось весьма значимым. Несколько позже исследования малых городов указали на особый, незападный путь модернизации, характерный для социалистического Китая. Взгляды Фэй были широко поддержаны другими социологами и правительственными чиновниками, что в конечном итоге привело к «Исследованию малых городов в провинции Цзянсу» – первому социологическому исследовательскому проекту, включенному в пятилетний план (1980–1985) [Li, Qiu, 1989]. Проект превратился в крупномасштабное обследование 190 городов при поддержке местных органов власти.

Одновременно С.М. Широкогоров в Китае проводил большую эмпирическую работу в ряде провинций (Фукиань, Кантон, Янань, северо-восточная часть Китая) [费孝, 1994; Кузнецов, 2017; 2001; Ермакова, Кузнецов, 2001]. Особое внимание уделялось проведению сравнительных исследований физиогномики тунгусов и китайцев, что стало значимым в этой области. Сергей Михайлович активно развивал и пропагандировал важность эмпирических методов и полевой работы в своей преподавательской и исследовательской деятельности, что оказало глубокое влияние на китайских ученых.

«Золотые правила» работы социолога при исследовании этнических феноменов. Обобщая опыт работы по изучению этнических феноменов и социальной жизни малых народов, Широкогоров формулировал правила, ориентация на которые остается актуальной и сегодня: объект следует изучать в рамках реальности; не следует использовать «удобные» объяснительные теории (будущая идея индигенизации науки); тактичность в общении с людьми, подлежащими исследованию, доброе отношение к ним, наблюдательность, непредвзятость; соблюдение строгости в использовании классификаций видов полевых работ [Shirokogoroff, 1942].

Важно и то, что социальная жизнь этноса, с точки зрения С.М. Широкогорова, хотя и складывается на основе биологического, но обладает определенной степенью независимости и самостоятельности: самостоятельность этноса относительно независима от социальной организации. Так, в одной из своих работ Широкогоров приводит показательный пример: фактически исчезающий этнос – маньчжуры – потерял свое этническое равновесие и был поглощен другим (лидирующим) китайским этносом, но благодаря сохранению древней социальной организации сумел удержаться от полной ассимиляции китайским этносом [Ревуненкова, Решетов, 2003: 108].

В китайский период жизни публикационная активность С.М. Широкогорова была необыкновенно многогранной. Он написал десятки работ на английском, немецком и французском языках, и по этой причине долгое время о нем мало что было известно в российском научном сообществе [Ревуненков, Решетов, 2003: 101]. В Китае он написал наиболее значимые труды, касающиеся самых различных сторон жизни социума, в том числе «Социальная организация маньчжуров: исследование клановой организации маньчжуров» (1924) и «Социальная организация северных тунгусов» (1928). Эти работы представляют собой репрезентативные исследования, в которых Широкогоров исследовал социальные структуры и организацию различных этнических групп. В целом же, Широкогоров за свою жизнь издал более 50 работ на четырех языках. Кроме этого, он оставил ряд подготовленных к печати и большое количество черновых материалов, с которыми еще только предстоит ознакомиться широкой аудитории.

Заключение. Отдельные ученые советского периода критически относились к публикациям С.М. Широкогорова (впрочем, как и в Китае). Только в последние годы, когда все более очевидно сближение социальной антропологии и социологии, внимание к его работам усиливается, в особенности в европейской социологической науке [Мюльман, 2002: 144–155]. По мнению некоторых ученых, такая ситуация становится актуальной

по причинам не только научного, но и политического порядка [Арзютов, 2017: 123–141], и прежде всего потому, что этнические начала национальных сообществ все более начинают признаваться как заметные факторы основных трендов формирования глобального сообщества [Кузнецов, 2011], сохранения самобытности и суверенитета².

Объективную оценку роли научного вклада С.М. Широкогорова вынесет история. Все отчетливее видно, что «научное движение», которое своими идейными замыслами связано с процессами индигенизации в современной социологии и которое массово развивается в последние два десятилетия в России и Китае, отражает идеи Широкогорова, в частности, в отношении изучения китайских общин [Котельникова, 2010]. С 2000-х гг. Китайская Академия общественных наук взяла на себя ведущую роль в новаторских исследованиях социальной стратификации и крупномасштабных социальных преобразованиях, основанных на исследованиях многочисленных локальных групп в Китае [Веселова и др., 2018]. Несомненно, что в современных научных подходах к таким исследованиям прослеживается влияние научных позиций проф. Широкогорова. Такие же тренды выявляются в векторах становления социологии в других регионах Востока, в том числе в Гонконге [Цзинь Ц. и др., 2020: 129–135], в поисках коллективной идентичности жителей острова [Chiu, Lui, 2003], где направления изучения социальности смещаются на качественные исследования культурных традиций локальных сообществ [Cheung, 2007]. Похожие закономерности фиксируются в объяснении путей становления социологии, нацеленных на объяснение культурной самобытности малых этносов на Тайване [Chen, 2014: 298–302; Но, 2012: 412–418; Цзинь и др., 2019: 127–134]. В современных исследованиях подчеркивается важность обращения к изучению элементов локальности, гетерогенности и очерченной пространственности в повседневном понимании *shequ* (сообщества) [Chuang, 2005: 379–382; Chuang, Chen, 2013: 255–260; Lu, 2002]. В России, учитывая огромный вклад С.М. Широкогорова в развитие мировой науки, Дальневосточный государственный университет принял решение о проведении в ДВГУ с октября 2001 г. научной конференции «Широкогоровские чтения» [Ермакова, 2001].

Личность Сергея Михайловича Широкогорова и его судьба примечательны и во многом отражают характерные противоречия становления социологического знания в России. Профессор Ши Луго оказал существенное влияние на китайских ученых, в частности на тех, кто теперь считается основоположниками китайской социологии. 19 октября 1939 г. в возрасте 52 лет Сергей Михайлович умер и был похоронен в Пекине. После его смерти в течение полувека информация о его жизни и научном вкладе постепенно исчезла из материалов академического сообщества Китая, и только в 1990-х гг. Фэй Сяотун написал и опубликовал воспоминания о научной деятельности своего учителя, восстанавливая тем самым его статус в среде китайской научной общественности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арзютов Д.В. Антрополог или политик? Политические пристрастия и теоретические построения Сергея Широкогорова // Этнографическое обозрение. 2017. № 5. С. 123–141.
- Арзютов Д.В., Андерсон Д.Д. Целые части: транснациональные траектории архивов Сергея и Елизаветы Широкогоровых // Антропологический форум. 2021. № 51. С. 175–198.
- Веселова Л.С., Дерюгин П.П., Лебединцева Л.А. Векторы становления китайской социологии: прагматическая направленность, сохранение традиций // Социологические исследования. 2018. № 7. С. 124–134. DOI: 10.31857/S013216250000169-8.
- Ермакова Э.В. Личное дело антрополога С.М. Широкогорова в Российском государственном историческом архиве Дальнего Востока // Широкогоровские чтения: мат. науч. конф. Владивосток: ДГУ, 2001. С. 9–12.
- Ермакова Э.В., Кузнецов А.М. Приват-доцент восточного факультета ГДУ С.М. Широкогоров // Известия Восточного института. 2001. № 6. С. 7–10.

² URL: <https://emigrant.amursu.ru/novosti/23469/> (дата обращения: 15.05.2023).

- Йохансен У. Влияние Сергея Михайловича Широкогорова на немецкую этнологию // Этнографическое обозрение. 2002. № 1. С. 139–143.
- Котельникова Т. В. Исследование территориальных общин в современной китайской науке // Вестник ЧитГУ. 2010. № 2. С. 141–148.
- Кочешков Н. В. Забытое имя. Сергей Михайлович Широкогоров как этнограф // Россия и АТР. 1999. № 4. С. 150–155.
- Кузнецов А. М. Кто вы, профессор Широкогоров? // Вестник антропологии. 2017. № 4(40). С. 107–118.
- Кузнецов А. М. Сергей Михайлович Широкогоров – обретенное наследие российской антропологии // Широкогоровские чтения: мат. науч. конф. Владивосток: ДГУ, 2001. С. 5–9.
- Кузнецов А. М. Станут ли международные отношения действительно международными? (К вопросу о роли этнического фактора в становлении нового миропорядка) // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2011. № 1. С. 7–19.
- Миссонова Л. И. Новый этап возвращения наследия С. М. Широкогорова: страницы интеллектуальной биографии (1912–1913–1939 гг.) // Этнография. 2020. № 2. С. 184–203.
- Мюльман В. Э. С. М. Широкогоров. Некролог (с приложением писем, фотографии и библиографии) // Этнографическое обозрение. 2002. № 1. С. 144–155.
- Ревуненкова Е. В., Решетов А. М. Сергей Михайлович Широкогоров // Этнографическое обозрение. 2003. № 3. С. 100–119.
- Решетов А. М. О письмах С. М. Широкогорова к В. М. Алексееву // Широкогоровские чтения: мат. науч. конф. Владивосток: ДГУ, 2001. С. 22–24.
- Фадеева Е. В. С. М. Широкогоров о положении женщины у северных тунгусов и маньчжур Дальнего Востока // Широкогоровские чтения: мат. науч. конф. Владивосток: ДГУ, 2001. С. 24–27.
- Хаснулина К. А., Чжоу Сяохун. Фэй Сяотун и китаизация социальных наук в первой половине XX века // Общество и государство в Китае. Т. L. Ч. 1. М.: ИВ РАН, 2020. С. 752–768.
- Цзинь Ц., Дерюгин П. П., Веселова Л. С., Лебединцева Л. А. История и современное состояние социологии Тайваня // Социологические исследования. 2019. № 12. С. 126–136. DOI: 10.31857/S013216250007753-1.
- Цзинь Ц., Дерюгин П. П., Веселова Л. С., Лебединцева Л. А. Социология в Гонконге: вызовы и перспективы // Социологические исследования. 2020. № 10. С. 128–138. DOI: 10.31857/S013216250010723-8.
- Широкогоров С. М. Социальная организация северных тунгусов (с вводными главами о географии расселения этих групп) / Пер. с англ. М.: Наука – Восточная литература, 2017.
- 梅方权, 史禄国与中山大学人类学, 中山大学研究生学刊(社会科学版), 2001, № 4, 73–79页.
- 费孝通: 《人不知而不愠——缅怀史禄国老师》// 《读书》。1994. 第4期
- Anderson D. G., Arzyutov D. V., Alymov S. S. (eds.) Life Histories of Etnos Theory in Russia and Beyond. Cambridge, UK: Open Book Publishers, 2019. DOI: 10.11647/OBP.0150.
- Chen J.-H. Building a New Society on the Base of Locality. Transformation of Social Forces in Taiwan during the 1990s // Inter-Asia Cultural Studies. 2014. No. 15 (2). P. 291–305.
- Cheung S.-K. Gender and Community under British Colonialism. Emotion, Struggle, and Politics in a Chinese Village. New York: Routledge, 2007. DOI: 10.4324/9780203942406.
- Chiu S. W. K., Lui T.-L. Hong Kong. Becoming a Chinese Global City. London/New York: Routledge, 2003. DOI: 10.4324/9780203005507.
- Chuang Y.-C. Place, Identity, and Social Movements. Shequ and Neighborhood Organizing in Taipei City // Positions. East Asia Cultures Critique. 2005. No. 2. P. 379–410.
- Chuang Y.-C., Chen S.-J. Studying Taiwan. The Academic Politics of Bentu in Post-Authoritarian Taiwan // Journal of Historical Studies. 2013. No. 45. P. 253–278.
- Ho M.-S. Sponsoring Civil Society. State and Community Movement in Taiwan // Sociological Inquiry. 2012. No. 3. P. 404–423.
- Li S., Qiu Z. "Small Town Studies", in Annals of Chinese Sociology 1979–1989. Beijing: Chinese Encyclopedia Press, 1989.
- Lu H.-Y. The Politics of Locality. Making a Nation of Communities in Taiwan. New York: Routledge, 2002. DOI: 10.4324/9780203820285/.
- Shirokogoroff S. M. Ethnographic Investigation of China // Folklore Studies. 1942. Vol. 1. P. 1–8. DOI: 10.2307/3182923.
- Shirokogoroff S. M. Psychomental Complex of the Tungus. London: Kegan Paul, Trench, Trubner and Co, 1935. (Reprinted in 1982 by AMS Press, New York).
- Shirokogoroff S. M. Social Organization of the Northern Tungus. Shanghai: The Commercial Press, 1929. (Reprinted in 1966 by Anthropological Publications, Oosterhaut N. B.).

Статья поступила: 04.03.23. Финальная версия: 07.08.23. Принята к публикации: 20.09.23.

PROFESSOR S.M. SHIROKOGOROFF: RUSSIAN ORIGINS OF CHINESE SOCIOLOGY

LEBEDINTSEVA L.A.***, DERIUGIN P.P.***, LIU JUAN***

*St. Petersburg State University, Russia; **Sociological Institute of FCTAS RAS, Russia; ***Jiangsu Oceanological University, China

Liubov A. LEBEDINTSEVA, Dr. Sci. (Sociol.), Prof.; Associate researcher (llebedintseva879@gmail.com); Pavel P. DERIUGIN, Dr. Sci. (Sociol.), Prof.; Associate researcher (ppd1@rambler.ru). Both – St. Petersburg State University, Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia; Juan LIU, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Jiangsu Oceanological University, Lianyungang, China (liujuan1971@yandex.ru).

Abstract. The article offers an analysis of scientific views of Sergei Mikhailovich Shirokogoroff not well known to the Russian sociological audience. The S.M. Shirokogoroff conceptual views contain a characteristic position in understanding the nature of the social, as built on the basis of the ethnic. The authors of the article identified two priorities of research of social phenomena by S.M. Shirokogoroff: (1) the desire for integrity and consistency, the focus of research on the harmonious study of social phenomena in unity with biological, cultural and other; (2) priority and synthesizing principle of the biological in the understanding of the social. It is noted that in the views of the scholar there are implemented the principles of unity and integrity in conjunction with a prime understanding of the role of the biological principle in the studied elements of social life. The creative activity of S.M. Shirokogoroff is divided into two periods: Russian and Chinese ones. During the first period, the views of the scholar are formed, the priorities in scientific research are chosen both in determining the objects of research, and methodology, methods and principles; in publishing research results. During the Chinese period, the publication activity of S.M. Shirokogoroff becomes extremely multifaceted; he teaches at a number of universities. His contacts with Fei Xiaotong, a the most famous sociologist in China today, becomes important for the subsequent development of Chinese sociology. The scientific approaches developed by the scientist found their development in the theoretical and applied research of the Chinese School of Sociological Research in the 1930s. Its basic ideas developed the ideas of S.M. Shirokogoroff: the nature of social phenomena is a special form of biological adaptability of ethnic units.

Keywords: S.M. Shirokogoroff, ethnological and sociological theory, Fei Xiaotong, indigenization.

REFERENCES

- Anderson D.G., Arzyutov D.V., Alymov S.S. (2019) *Life Histories of Ethnos Theory in Russia and Beyond*. Cambridge, UK: Open Book Publishers. DOI: 10.11647/OBP.0150.
- Arzyutov D.V. (2017) Anthropologist or Politician? Political Bias and Theoretical Constructions of Sergei M. Shirokogoroff. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. No. 5: 123–141. (In Russ.)
- Arzyutov D.V., Anderson D.D. (2021) Whole Parts: Transnational Life Histories of the Archives of Sergei and Elizabeth Shirokogoroff. *Antropologicheskii forum* [Anthropological Forum]. No. 51: 175–198. (In Russ.)
- Chen J.-H. (2014) Building a New Society on the Base of Locality. Transformation of Social Forces in Taiwan during the 1990s. *Inter-Asia Cultural Studies*. No. 15(2): 291–305.
- Cheung S.-K. (2007) *Gender and Community under British Colonialism. Emotion, Struggle, and Politics in a Chinese Village*. New York: Routledge. DOI: 10.4324/9780203942406.
- Chiu S.W.K., Lui T.-L. (2003) *Hong Kong. Becoming a Chinese Global City*. London/New York: Routledge. DOI: 10.4324/9780203005507.
- Chuang Y.-C. (2005) Place, Identity, and Social Movements. Shequ and Neighborhood Organizing in Taipei City. *Positions. East Asia Cultures Critique*. No. 13(2): 379–410.
- Chuang Y.-C., Chen S.-J. (2013) Studying Taiwan. The Academic Politics of Bentu in Post-Authoritarian Taiwan. *Journal of Historical Studies*. No. 45: 253–278.
- Ermakova E.V. (2001) Personal file of anthropologist S.M. Shirokogoroff. In: *Russian State Historical Archive of the Far East in Shirokogoroff Readings*: Mat. of the Scient. Conf. Vladivostok: DGU: 9–12. (In Russ.)
- Ermakova E.V., Kuznetsov A.M. (2001) Privat-Docent of Faculty of Oriental Studies (State Far Eastern University) S.M. Shirokogoroff. *Izvestiya Vostochnogo instituta* [Oriental Institute Journal]. No. 6: 7–10. (In Russ.)
- Fadeeva E.V. (2001) S.M. Shirokogoroff on the Status of Women in the Northern Tunguses and Manchus of the Far East. In: *Shirokogoroff Readings*: Mat. of the Scient. Conf. Vladivostok: DGU: 24–27. (In Russ.)

- Fei Xiaotong (1994) People don't know but don't be sullen-remembering Teacher Shi Luguo. *Reading Books*. Iss. 4.
- Ho M.-S. (2012) Sponsoring Civil Society. State and Community Movement in Taiwan. *Sociological Inquiry*. No. 3: 404–423.
- Jin J., Deriugin P.P., Veselova L.S., Lebedintseva L.A. (2019) History and Current State of Sociology in Taiwan. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12: 126–136. DOI: 10.31857/S013216250007753-1. (In Russ.)
- Jin J., Deriugin P.P., Veselova L.S., Lebedintseva L.A. (2020) Sociology in Hong Kong: Challenges and Prospects. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 10: 128–138. DOI: 10.31857/S013216250010723-8. (In Russ.)
- Johansen U. (2002) The influence of Sergei Mikhailovich Shirokogoroff on German ethnology. *Ethnographic review*. No. 1: 139–143.
- Khasnulina K.A., Zhou Xiaohong (2020). Fei Xiaotong and the Sinification of social sciences in the first half of the XX century. In: *Society and the State in China*. Ch. 1. Moscow: IV RAN: 752–768. (In Russ.)
- Kocheshkov N.V. (1999) The forgotten name Sergey Mikhailovich Shirokogorov as an ethnographer. *Rossya i ATR* [Russia and the Asia-Pacific Region]. No. 4: 150–155. (In Russ.)
- Kotelnikova T.V. (2010) The study of territorial communities in modern Chinese science. *Vestnik ChitGU* [Bulletin of ChitSU]. No. 2: 141–148. (In Russ.)
- Kuznetsov A.M. (2001) Sergey Mikhailovich Shirokogorov – the found heritage of Russian anthropology. In: *Shirokogoroff Readings*: Mat. of the Scient. Conf. Vladivostok: DGU: 5–9. (In Russ.)
- Kuznetsov A.M. (2011) Will international relations really become international? (On the role of the ethnic factor in the formation of a new world order). *Aziatsko-Tikhookeanskiy region: ekonomika, politika, pravo* [Asia-Pacific Region: Economics, Politics, Law]. No. 1: 7–19. (In Russ.)
- Kuznetsov A.M. (2017) Who are you, Professor Shirokogoroff? *Vestnik antropologii* [Bulletin of Anthropology]. No. 4 (40): 107–118. (In Russ.)
- Li S., Qiu Z. (1989) "Small Town Studies", in *Annals of Chinese Sociology 1979–1989*. Beijing: Chinese Encyclopedia Press.
- Lu H.-Y. (2002) *The Politics of Locality. Making a Nation of Communities in Taiwan*. New York: Routledge. DOI: 10.4324/9780203820285.
- Mei Fangquan (2001). Shi Luguo and Anthropology of Sun Yat-sen University. *Journal of Graduate Studies of Sun Yat-sen University (Social Sciences Edition)*. No. 4: 73–79.
- Missonova L.I. (2020) A new stage of the return of the heritage of S.M. Shirokogoroff: pages of intellectual biography (1912–1913–1939). *Etnografiya* [Ethnography]. No. 2: 184–203. (In Russ.)
- Mulman V.E. (2002) S.M. Shirokogoroff. Obituary (with the attachment of letters, photographs and bibliography). *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. No. 1: 144–155. (In Russ.)
- Reshetov A.M. About the letters of S.M. Shirokogoroff to V.M. Alekseev In: *Russian State Historical Archive of the Far East in Shirokogoroff Readings*: Mat. of the Scient. Conf. Vladivostok: DGU: 22–24. (In Russ.)
- Revunenkov E.V., Reshetov A.M. (2003) Sergey Mikhailovich Shirokogoroff. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. No. 3: 100–119. (In Russ.)
- Shirokogoroff S.M. (1929) *Social Organization of the Northern Tungus*. Shanghai: The Commercial Press. (Reprinted in 1966 by Anthropological Publications, Oosterhaut N.B.).
- Shirokogoroff S.M. (1935) *Psychomental Complex of the Tungus*. London: Kegan Paul, Trench, Trubner and Co, 1935. (Reprinted in 1982 by AMS Press, New York).
- Shirokogoroff S.M. (1942) Ethnographic Investigation of China. *Folklore Studies*. Vol. 1: 1–8. DOI: 10.2307/3182923.
- Shirokogoroff S.M. (2017) *The social organization of the northern Tunguses (with introductory chapters on the geography of the settlement of these groups)*. Moscow: Nauka–Vostochnaya Literatura.
- Veselova L.S., Deriugin P.P., Lebedintseva L.A. (2018) Vectors of Chinese Sociology Becoming: Pragmatic Orientation and Maintaining of Tradition. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7: 124–134. DOI: 10.31857/S013216250000169-8. (In Russ.)

Received: 04.03.23. Final version: 07.08.23. Accepted: 20.09.23.